

СТИХИ О ЛЕНИНЕ

СТИХИ О ЛЕНИНЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА ★ 1960

Составитель
Н. ЗАМОТИН

Оформление художника
Е. ГАНУЩКИНА

Нам ли
растекаться
слезной лужею, —
Ленин
и теперь
живее всех живых.
Наше знание —
сила
и оружие.
Люди — лодки.
Хотя и на суше.
Проживешь
свое
пока,
много всяких
грязных ракушек
налипает
нам
на бока.
А потом,
пробивши
бурю разозленную,
сядешь,
чтобы солнца близ,
и счищаешь
водорослей
бороду зеленую
и медуз малиновую слизь.

Я
себя
под Лениным чищу,
чтобы плыть
в революцию дальше.
Я боюсь
этих строчек тыщи,
как мальчишкой
боишься фальши.
Рассияют головою венчик,
я тревожусь,
не закрыли чтоб
настоящий,
мудрый,
человечий,
ленинский
огромный лоб.
Я боюсь,
чтоб шествия
и мавзолей,
поклонений
установленный статут
не залили б
приторным слеем
ленинскую
простоту.

За него дрожу,
 как за зеницу глаза,
чтоб конфетной
 не был
 красотой оболган.
Голосует сердце —
 я писать обязан
по мандату долга.

Вся Москва.
 Промерзшая земля
 дрожит от гуда.

Над кострами
 обмороженные с ночи.
Что он сделал?

 Кто он
 и откуда?

Почему
 ему
 такая почесть?
Слово за словом
 из памяти таская,
не скажу
 ни одному —
 на место сядь.

Как бедна
 у мира
 сло́ва мастерская!

Подходящее
откуда взять?
У нас
семь дней,
у нас
часов — двенадцать.
Не прожить
себя длинней.
Смерть
не умеет извиняться.
Если ж
с часами плохо,
мала
календарная мера,
мы говорим —
«эпоха»,
мы говорим —
«эра».
Мы
спим
ночь.
Днем
совершаем поступки.
Любим
свою толочь
воду
в своей ступке.

А если
 за всех смог
направлять
 потоки явлений,
мы говорим —
 «пророк»,
мы говорим —
 «гений».

У нас
 претензий нет,—
не зовут —
 мы и не лезем;
правимся
 своей жене,
и то
 довольны донёльзя.

Если ж,
 телом и духом слит,
прет
 на нас непохожий,
шпилим —
 «царственный вид»,
удивляемся —
 «дар божий».

Скажут так,—
 и вышло
 ни умно, ни глупо.

Повисят слова
и уплывут, как дымы.

Ничего
не выколупишь
из таких скорлупок.

Ни рукам,
ни голове не ощутимы.

Как же
Ленина
таким аршином мерить!

Ведь глазами
видел
каждый всяк —

«эра» эта
проходила в двери,
даже
головой
не задевая о косяк.

Неужели
про Ленина тоже:
«вождь
милостью божьей»?

Если б
был он
царствен и божествен,

я б
от ярости
себя не поберег,
я бы
стал бы
в перекоре шествий,
поклонениям
и толпам поперек.
Я б
нашел
слова
проклятья громоустого,
и пока
растоптан
я
и выкрик мой,
я бросал бы
в небо
богохульства,
по Кремлю бы
бомбами
метал:
д о л о й!
Но тверды
шаги Дзержинского
у гроба.
Нынче бы
могла
с постов сойти Чека.

Сквозь миллионы глаз,
и у меня
сквозь оба,
лишь сосульки слез,
примерзшие
к щекам.

Богу
почести казенные
не новость.

Нет!
Сегодня
настоящей болью,
сердце, холодей!

Мы
хороним
самого земного
изо всех
прошедших
по земле людей.

Он земной,
но не из тех,
кто глазом

упирается
в свое корыто.

Землю
всю
охватывая разом,

видел
то,
что временем закрыто.
Он, как вы
и я,
совсем такой же,
только,
может быть,
у самых глаз
мысли
больше нашего
морщинают кожей,
да насмешливой
и тверже губы,
чем у нас.
Не сатрапья твердость,
триумфаторской коляской
мнущая
тебя,
подергивая вожжи.
Он
к товарищу
милел
людскою лаской.
Он
к врагу
вставал
железа тверже.

Знал он
слабости,
знакомые у нас,
как и мы,
перемогал болезни.
Скажем,
мне бильярд —
отрациваю глаз,
шахматы ему —
они вождам
полезней.

И от шахмат
перейдя
к врагу натурой,
в люди
выведа
вчерашних пешек строй,
становил
рабочей — человеческой диктатурой
над тюремной
капиталовой турой.

И ему
и нам
одно и то же дорого.
Отчего ж, стоящий
от него поодаль,

я бы
жизнь свою,
глупея от восторга,
за одно б
его дыханье
отдал?!
Да не я один!
Да что я
лучше, что ли?!
Даже не позвать,
раскрыть бы только рот —
кто из вас
из сёл,
из кожи вон,
из штолен
не шагнет вперед?!
В качке —
будто бы хватил
вина и горя лишку—
инстинктивно
хоронюсь
трамвайной сети.
Кто
сейчас
оплакал бы
мою смертишку

в Трауре
вот этой
безграничной смерти!
Со знаменами идут,
и так.
Похоже —
стала
вновь
Россия кочевой.
И Колонный зал
дрожит,
насквозь прохожен.
Почему?
Зачем
и отчего?
Телеграф
охрип
от траурного гуда.
Слезы снега
с флажких
покрасневших век.
Что он сделал,
кто он
и откуда —
этот
самый человеческий человек?
Коротка
и до последних мгновений

нам
известна
жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь
товарища Ленина
надо писать
и описывать заново.
Далеко давным,
годов за двести,
первые
про Ленина
восходят вести.
Слышите —
железный
и луженый,
прорезая
древние века, —
голос
прадеда
Бромлея и Гужона —
первого паровика?
Капитал,
его величество,
некоронованный,
невенчанный,
объявляет
покоренной
силу деревенщины.